Ростовская СТАРИНА

Выпуск № 19 (188)
Март, 2022

Газета Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль»

Сигурд Шмидт в Ростовском кремле

К 100-летию выдающегося историка и просветителя

15 апреля 2022 года исполняется столетие со дня рождения выдающегося отечественного историка и просветителя Сигурда Оттовича Шмидта (1922–2013).

Заслуги ученого, вузовского педагога и организатора науки, многие десятилетия возглавлявшего Археографическую комиссию РАН, академика Российской академии образования, лежат в сфере не только академической науки, где ему принадлежат сотни трудов по широкой проблематике отечественной истории — от эпохи средневековья до советских времен и новой России. Огромна его заслуга в возрождении и популяризации на рубеже XX–XXI веков российского краеведения — сферы научного знания, к которой он относился с особым трепетом. И был неутомимым собирателем краеведческих сил по всей стране — как один из создателей и председатель Союза краеведов России. Блестящий академический ученый С. О. Шмидт благодаря своим человеческим качествам стал настоящим символом духовного и научного родства большой науки и краеведения.

Сегодня прекрасный повод вспомнить дорого учителя и его бесценное внимание к прошлому Ростова и Ростовского кремля — и его деятелям-краелюбам, спасавшим и сохранявшим местные памятники истории и культуры. Безусловно, первым в этом ряду стоял купец-историк, археограф Андрей Александрович Титов (1844–1911), один из создателей в Ростовском кремле музея, посвятивший своей родине сотни книг, статей, публикаций исторических материалов. Еще в середине 1990-х годов Сигурд Оттович поддержал мое исследование о незаурядном ростовском купце, стал одним из главных консультантов этой работы, а когда она оформилась в монографию — согласился быть ее научным редактором.

Помню, как в процессе работы многое обсуждалось, возникали новые направления, и как учитель искренне радовался находкам и возникавшим темам. Это не могло не вдохновлять на кропотливый и продолжительный труд, в особенности, по выявлению историографического наследия А. А. Титова — основы для понимания его личности, ее творческих начал и масштаба достигнутого в научно-просветительской сфере. В результате библиографический указатель трудов ростовского историка представил более 700 публикаций, что почти втрое уточняло прижизненные и посмертные подобные справочники его сочинений.

Когда в мае 2000 года в парижской Сорбонне проходила конференция, посвященная российскому краеведению, и на мой доклад об А. А. Титове я пригласил его уже преклонных лет внучку — Валентину Александровну Пеллиссье-Танон (1914–2016), Сигурд Оттович с огромным интересом общался с ней, расспрашивал о жизни ее семьи в эмиграции. В своем заключительном выступлении перед аудиторией он еще раз подчеркнул мысль об огромной ценности научного и культурного наследия купца А. А. Титова и поблагодарил Валентину Александровну за сохранение памяти о своих предках и о России. Именно в ту пору она поделилась со мной счастливо отысканной рукописью воспоминаний ее отца — Александра Андреевича Титова (1878–1961), видного деятеля русского Парижа — и начала работать над собственными мемуарами.

В 2001 году монография о купце-историке А. А. Титове (под двумя грифами — Археографической комиссии РАН и Государствеeного архива Ярославской области) увидела свет в академическом издательстве «Восточная литература». О своем отношении к ее герою С. О. Шмидт выразил в словах, сказанных уже в качестве научного редактора книги: «Андрей Александрович Титов — колоритнейшая фигура в среде российских просвещенных коммерсантов рубежа XIX–XX вв., даровитый и серьезный археограф и историк-краевед, известный своими научными трудами и как коллекционер рукописей не только в нашей стране, но и за рубежом. А. А. Титов много сделал для возрождения интереса к прошлому Ростова Великого. ‹...› Убежден А. А. Титов был и в том, что значительное в истории его Родины не ограничивается происходившим или созданным в Москве и Петербурге. Он прилагал усилия к тому, чтобы и в столичных изданиях — научных и популярных — больше знали о российской провинции, о ее прошлом и настоящем, и чтобы всероссийски известными и всем доступными стали и коллекции памятников истории и культуры, собранные в провинции, и издания о ее выдающихся памятниках искусства».

6 и 7 июня 2001 года состоялись презентации книги, соответственно, в Государственном музее-заповеднике «Ростовский кремль» и Ярославской областной универсальной научной библиотеке им. Н. А. Некрасова. Сигурд Отттович с огромной радостью откликнулся на участие в этих мероприятиях, которые воспринимал и как венец своих забот об умножении исторических знаний и поддержке начинающих ученых. Ростовцы замечательно встретили прославленного ученого. Представление книги состоялось в зале «Былинник» Ростовского кремля, при большом стечении публики.

Помимо участников издания о нем и его главном герое — Андрее Александровиче Титове — со сцены говорили начальник управления по делам архивов Администрации Ярославской области В. М. Кошонин, глава Ростовского района А. К. Руденко, директор музея, доктор исторических наук А. Е. Леонтьев. Музейщики подготовили выставку изданий А. А. Титова, а сотрудница музея Е. И. Крестьянинова выступила с сообщением об еще одной удивительной стороне таланта ростовского купца — его поэтическом творчестве. В атмосфере научного праздника, тон которому, безусловно, с самого начала задал Сигурд Оттович, непревзойденный лектор и оратор, казалось, происходило почти зримое возвращение А. А. Титова в Ростовский кремль. С. О. Шмидт предложил тогда установить мемориальную доску на доме, где жил А. А. Титов, и, как известно, впоследствии это было воплощено.

По завершении презентации С. О. Шмидт с огромным интересом вновь знакомился с памятниками Ростовского кремля, не раз посещаемыми в поездках прежних лет, и впервые отправился на восстановленную музейщиками могилу А. А. Титова в Спасо-Яковлевском монастыре, а затем к церкви Иоанна Богослова на Ишне. В этой экскурсии С. О. Шмидта и группу ярославцев — архивистов, издателя А. М. Рутмана — сопровождал знаток ростовских памятников, заведующий архитектурным отделом А. Г. Мельник. Особым открытием стало посещение Кекинской гимназии, построенной по почину А. А. Титова на деньги мецената, и связанной с именем московского историка С. П. Моравского. Здесь нас сопровождал директор гимназии, заслуженный учитель А. А. Гаврилов.

Незабываемая атмосфера счастья от встречаемого повсюду наследия замечательного ростовского гражданина А. А. Титова вдохновляла и настраивала на новое знакомство слушателей с книгой, которое на следующий день ожидалось в Ярославле. С этих новых впечатлений от Ростова и ростовцев С. О. Шмидт и начал свою речь перед ярославцами.

Вспоминая сегодня Сигурда Оттовича Шмидта, выдающегося ученого, организатора науки, педагога, вновь и вновь поражаешься масштабу его личности. Он был недосягаемым столпом науки и эрудиции, и одновременно легким в общении и дружбе человеком. Многих это тогда окрыляло. Светлая память о дорогом учителе окрыляет и сейчас.

Ярослав Смирнов

Ил. 1. Презентация книги об А. А. Титове в Ростовском кремле. Слева направо: А. Е. Леонтьев, Я. Е. Смирнов, С. О. Шмидт, А. К. Руденко, В. М. Кошонин. 6 июня 2001 г. Из архива Я. Е. Смирнова

Ил. 2. У надгробия А. А. Титова в Спасо-Яковлевском монастыре. 6 июня 2001. Из архива Я. Е. Смирнова

Ил. 3. В Кекинской гимназии. С. О. Шмидт, А. В. Мельников – студент РГГУ, ныне – кандидат исторических наук, зав. Отделом археографии, ответственный секретарь Археографической комиссии Института славяноведения РАН, А. А. Гаврилов – директор гимназии им. А. Л. Кекина, заслуженный учитель РФ. Фото Я. Е. Смирнова

Из интервью С. О. Шмидта «Общей газете» в рубрике «Впечатления недели»

«Радостным событием для меня была двухдневная командировка в Ярославль и Ростов Великий. Там состоялось представление книги молодого историка-архивиста Ярослава Смирнова “Андрей Александрович Титов” о крупнейшем коммерсанте и деятеле культуры Ростова Великого, основавшего музей и пожертвовавшего публичной библиотеке Петербурга самую большую коллекцию рукописей. И радовало не то, что вышла книга, возрождающая одно из славных имен, могущее сравниться с Третьяковым и Солдатенковым, но то, что и в Ростове, и в Ярославле представление этой книги вызвало живой интерес и было отмечено в печати. А был я там потому, что я – редактор этой книги и автор вступительной статьи, и могу сказать, что она действительно талантливо написана, интересно сделана и была событием в культурной жизни. Я все больше убеждаюсь, что повышение уровня общественной сознательности в нашей стране зависит в значительной степени от самодеятельности провинции. И библиотеки Ярославля, и музеи Ростова, и основанные замечательной Ириной Болотцевой отделы древнерусского искусства – все это симптомы самоуважения и уважения к традициям, без которых невозможно строить новое» (Общая газета. 2001. 14–20 июня. № 24. С. 9).

Письма писателя Дороша архитектору Баниге в Ростов

10 февраля 2022 г. в Государских хоромах (Красной палате) «Ростовского кремля» состоялось открытие выставки фотографий Ильи Ефимовича Гольберга (1933–2022) и был представлен одноименный фотоальбом – «Райгород. Ростов 1960-х». Серия художественных снимков запечатлела Ростов и Ростовский кремль середины XX столетия. Появлению уникальных фотографий, часть из которых составила альбом «Ростовский кремль» издательства «Советский художник» (М., 1967), способствовал Владимир Сергеевич Баниге (1905–1973). Под руководством выдающегося архитектора-реставратора осуществилось восстановление архитектурного ансамбля после урагана 1953 года. Предисловие к альбому написал маститый в советскую эпоху литератор, член редколлегии журнала «Новый мир» Ефим Яковлевич Дорош (1908–1972) — друг Баниге, отец Гольберга.

О дружбе Баниге и Дороша, в общем, хорошо известно. В пору написания «Деревенского дневника», первый очерк которого был впервые опубликован в «Новом мире» в 1958 году, Ефим Яковлевич нередко останавливался в Ростовском кремле — в круглой садовой башне, служившей жилищем Владимиру Сергеевичу. В публицистическом произведении о буднях «Райгорода» — Ростова Великого и его людях писатель запечатлел и своего доброго приятеля — под именем Сергея Сергеевича.

«Я отправляюсь в кремль, островерхие башни которого стоят вдоль одной из сторон площади. Едва я вхожу в невысокие сводчатые ворота, как встречаю Сергея Сергеевича, архитектора, вот уже скоро пять лет занятого здесь реставрационными работами. Фамилия его звучит на скандинавский лад, лицом же он походит на грека или южного славянина.‹...›

Потомок нескольких поколений архитекторов, внучатый племянник известного композитора и довольно близкий родич великого русского художника, Сергей Сергеевич рассуждает об искусстве, как пахарь о земле, моряк — об океане. ‹...›

Разговаривая, Сергей Сергеевич поднимает кверху свои глаза византийца или болгарина с древней фрески. Прямо над нашими головами круглятся и поблескивают на белых барабанах зеленые, с золотыми подзорами маковки. Сергей Сергеевич говорит о человечности, о доброй сказочности этой архитектуры. Здесь нет ничего, что подавляло бы волю, что внушало бы человеку мысль о его ничтожестве перед лицом бога. Очень чистые душой, жизнерадостные люди строили эти храмы. И мотивы брали из окружающей жизни: маковка с луковицей — это ведь огород, подзоры — девичье кружево... У Сергея Сергеевича негромкий голос, одет он в заляпанный известкой полушубок строителя...».

В Ростовский кремль Дорош привозил знаменитых французских писателей Жана-Поля Сартра и Симону де Бовуар, которые гостили в «Башне Баниге» и обедали блюдами, приготовленными супругой Ефима Яковлевича.

Дорош и Баниге в 1963 году способствовали осуществлению записи уникальных ростовских звонов. В этой связи Ефим Яковлевич, как свидетельствовал И. Е. Гольберг, давал разъяснения в идеологическом отделе ЦК КПСС. Запечатленные на фотографиях Гольберга старые звонари Ростова Великого за работой — огромной ценности визуальный документ.

О том времени Илья Ефимович, в свою очередь, вспоминал: «В марте 1963 года я на неделю с лишним поселился в башне кремля, где жил В. С. Баниге, и смог фотографировать подготовку к исполнению возобновленных ростовских звонов. Много снимал кремль, где к тому времени почти закончилась реставрация. Отснятых фото почти хватило на альбом. Дополнили их снимками, которые мы сделали с моим школьным товарищем. Тогда В. С. Баниге нам дал большую связку ключей от башен и переходов, и мы за неделю сняли недостающие кадры. Отец написал текст, и издательство “Советский художник” выпустило небольшой альбом “Ростовский кремль” — первый альбом отреставрированного кремля».

О дружбе, товарищеской доверительности отношений Дороша и Баниге свидетельствуют и два письма писателя архитектору, сохранившиеся в архиве музея «Ростовский кремль». Оба датированы началом 1960-х годов, с разницей почти в год (19 сентября 1960 г. и 16 октября 1961 г.). Их содержание только подтверждает, что между приятелями уже давно велась тесная переписка, а имеющиеся в музейном собрании корреспонденции — лишь фрагменты этого эпистолярного наследия.

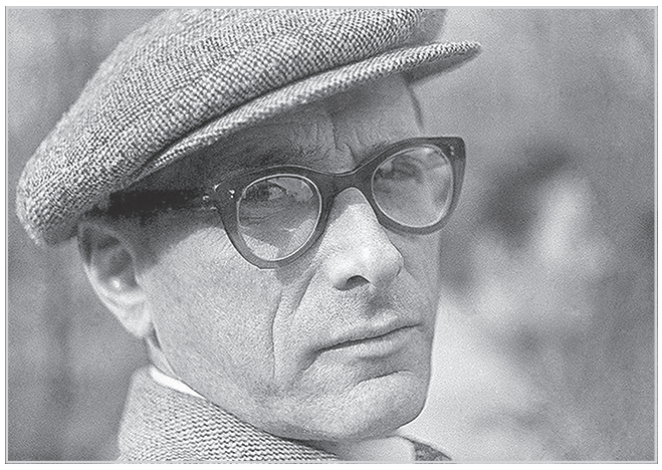
В каждом из писем выражение общих интересов (общественных, литературных, музыкальных) и желание новых встреч — в Москве или в Ростове. Московская квартира Дорошей также всегда была гостеприимно открыта для супругов Баниге: «...Не забывайте нас, помните о крове, ожидающем вас». И в шутку: «Ежели мимо проедете, считайте, что между нами вендетта». Уезжая из Ростова, Дорош тут же начинал тосковать по «Райгороду», оставшимся там друзьям и людям, которые стали героями его литературных впечатлений: «По Ростову я очень соскучился, думаю, что после Солотчи поеду в Ростов» (19.09.1960); «Я уехал из Ростова, будучи по горло сытым его красотой, красотой Ростовской земли, а теперь уже стал тосковать по нему» (16.10.1961).

Как отголосок того, что не всеми в тогдашнем высоком партийном руководстве одобрялось то, что в своих очерках о русской глубинке сообщал Ефим Дорош, звучат его разъяснения Владимиру Баниге во втором письме — «по поводу “Сухого лета”». Известно, что уже после публикации этого очерка в «Новом мире» (1961, № 7) заведующим культуры ЦК КПСС Д. А. Поликарповым была составлена «Справка», в которой, в частности, говорилось: «Рассказывая о положении дел в одном из районов Ярославской области, Е. Дорош рисует картину крайней запущенности, развала, засилия бюрократизма, гнетущего все живое, честное и творческое. Главный герой очерка — заслуженный председатель колхоза Иван Федосеевич, фигура страдательная и по существу пассивная,— в одиночестве противостоит всему этому сомкнутому строю бюрократов, подхалимов, очковтирателей, а общий идейно-эмоциональный итог этого очерка явно пессимистический, вызывающий у читателя ощущение безнадежности и бесперспективности борьбы за подъем сельского хозяйства, против бюрократов и очковтирателей» (*Буртин Ю.* Власть против литературы (60-е годы). Публикация документов И. Брайнина и А. Петрова // Вопросы литературы. 1994. № 2. С. 223–306).

Твердая позиция и сила писателя Дороша была в правде, которую он своим творчеством отстаивал, и это разъяснял своему не напрасно обеспокоенному другу Баниге (кстати, в прошлом политзаключенному): «...Сила здесь в обыкновенной правде, кою я бесхитростно изложил. А правда — сила необоримая».

Сохранившиеся в музейном архиве письма — удивительные свидетельства человеческой дружбы двух замечательных, творчески одаренных людей. Это и важное свидетельство эпохи, в которой сила духа людей помогала противостоять внешним обстоятельствам. Это было вдохновенное время, когда вновь от разрушения был спасен Ростовский кремль и был создан писательский «Деревенский дневник». В этом ярком произведении «Райгород», по выражению академика Д. С. Лихачева, явился «символом постоянства жизни».

Ярослав Смирнов



Ефим Яковлевич Дорош. Фото И.Е. Гольберга

1.

Москва, 19 сентября 60 г.

Добрый день, дорогие друзья!

Только что получил Ваше письмо,— обрадовался ему, так как мы уже немного беспокоились из-за того, что не едете и не пишете, и одновременно огорчился, точнее — разозлился, а еще точнее, и огорчился и разозлился. Ну что это за разговор — «пользоваться вашим... гостеприимством» и т.д. Мы и слышать этого не хотим. Если только Владимиру Сергеевичу это удобно, если это ему не в тягость, если, наконец, он не собирается «развлекаться» в Москве, как это делают пошлые командировочные, то он сразу же приедет к нам, и Вы тоже, Наталья Сергеевна (жена В. С. Баниге.— *Я. С.*), как только соберетесь в Москву. Раскладушка для любого из вас всегда свободна, а вдвоем приедете, то и две. Мы вас нисколько не стесняемся, и вы нас нисколько не стесняете. Я буквально каждый день, когда раздается звонок, ожидаю услышать голос Владимира Сергеевича, и Надежда Павловна (жена Е. Я. Дороша.— *Я. С.*) то же самое. Тут Прохор Антоныч (водитель Е. Я. Дороша.— *Я. С.*) как-то предложил увезти раскладушку в гараж, но ему было сказано, что едет Владимир Сергеевич... Короче, на эту тему больше и говорить не хочу. Все! Ежели мимо проедете, считайте, что между нами вендетта.

Хорошо бы, если бы Владимир Сергеевич приехал не позднее 23, так как 24–25 я собираюсь дней на десять под Рязань, в Солотчу. А еще лучше, если он 22 приедет. По Ростову я очень соскучился, думаю, что после Солотчи поеду в Ростов. А что до пластинок, Владимир Сергеевич, то Илюша вчера купил «Страсти по Иоанну» Баха, немецкого производства, с участием хора мальчиков из Томаскирхи, и дирижер Томаскантор. И борода Илюши будет сохранена, только приезжайте.

Время позднее, а я хочу опустить письмо сегодня, да и увидимся мы, надеюсь, скоро, поэтому кончаю. И Вас, Наталья Сергеевна, мы надеемся в скором времени увидеть в Москве. До скорых встреч.

Привет от Надежды Павловны, Илюши, девочек.

Всегда Ваш Ефим Дорош.

АДМ-1071. Л. 1–2.

Подлинник. Текст на печатной машинке. Подпись — автограф

2.

Москва, 16 октября 1961 г.

Дорогие друзья!

Давно собирался вам написать... да все некогда. Во-первых, я должен объяснить Владимиру Сергеевичу, почему не зашел к нему утром в день отъезда из Ростова. Помните, от вас я пошел к Чижиковым? (Николай Васильевич и Мария Алексеевна Чижиковы; в «Деревенском дневнике» — Зябликовы; Н. В. Чижиков — преподаватель Ростовского сельскохозяйственного техникума, краевед. — *Я. С.*). Теперь добавьте к вашему коньяку настоянную на почках водку Чижиковых, и вам станет ясно, что в тот вечер я уже не мог упаковать свои пожитки. Пришлось это делать утром. Кстати сказать, выехали мы только в час дня. Машина была перегружена. Сразу же за Петровском у нас лопнул баллон. Пришлось ставить запаску и ехать без оной. А перед Новым снова спустил баллон. И так как запаски уже не было, то пришлось менять его, да и запаску снарядить. Короче, из-под Нового мы тронулись в половине пятого, причем было пасмурно и темнело рано. Ехали мы чрезвычайно медленно, не больше сорока в час, тут еще выяснилось, что у Прохора масла нет, а надо бы долить... У нас были все возможности заночевать в дороге, и меня очень удручало то, что Надежда Павловна будет считать, что мы попали в аварию. Только в половине девятого, когда Надежда Павловна уже стала подумывать, куда же ей звонить, у кого узнавать, что с нами, мы приехали домой.

А потом пошли московские заботы.

Я все продолжаю получать от совершенно разных литераторов изъявления благодарности, удовольствия и т.п. по поводу «Сухого лета». Но есть и серьезные неудовольствия, высказанные теми, кто имеет право их высказывать, так как облечен соответствующей властью. И результаты этих неудовольствий тоже сказываются, однако меня нисколько не волнуют. Суть в том, что я уже как бы отделил свои писания от себя, и понимаю, что сила здесь в обыкновенной правде, кою я бесхитростно изложил. А правда — сила необоримая. Правда,— а не я,— побуждает звонить мне людей, которые всю жизнь писали высокоученые, «правильные» статьи и исследования, клялись в любви к советской литературе, хотя и не читали большинство книг советских писателей. Я и повторяю — это не я, а ПРАВДА их расшевелила. Так что, не опасайтесь, не зазнаюсь,— да и поздно уже.

А какая прекрасная стоит осень!

Я уехал из Ростова, будучи по горло сытым его красотой, красотой Ростовской земли, а теперь уже стал тосковать по нему. Ездили мы тут с Надеждой Павловной в Радонеж. Очень там было хорошо. И я думал о том, что и Радонеж связан с Ростовом, потому что от разорительной тамошней жизни, от столичного шума бежал в Радонеж отец Сергия, ростовский боярин Кирилл со своими людьми. Кстати, у Ключевского я вычитал, что места вокруг Троицы населялись по преимуществу выходцами из Ростовской земли. Короче говоря, очень хочется снова в Ростов.

Владимир Сергеевич Баниге в своей кремлевской квартире – «Башне Баниге». Фото И.Е. Гольберга. Начало 1960-х гг.

Собираетесь ли Вы в Москву? Когда?

Если поедете в Ленинград, или просто любой из вас будет в Москве, не забывайте нас, помните о крове, ожидающем вас. Очень хотим увидеть вас, вместе или по отдельности, это уж как сможете.

Владимир Сергеевич! Я только в четверг побывал у Сергея Яковлевича, передал ему список. Он и сам уже что-то предпринимал. В ближайшее время, надеюсь, смогу Вам сообщить о результатах подробно.

Что до сына нашего Ильи, то он что-то печатал, но послал ли Вам отпечатки, не ведаю, а спросить — боюсь, так как он гневается: мол, сам знаю и т.д. Вы бы напомнили ему письмом, это было бы полезно.

Ждем от Вас письма.

Низко кланяемся всем домом, желаем здоровья и ждем в гости.

Ваш Ефим Дорош.

АДМ-1072. Л. 1–2

Подлинник. Текст на печатной машинке. Подпись — автограф

Атрибуция музейных предметов

Новые данные о пяти финифтяных портретах в собрании «Ростовского кремля»

В 2018 году, работая над статьей «Госкаталог как инструмент познания — на примере изучения музейных собраний финифти» (опубл.: Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2018. Вып.23. С. 100–181), я распределяла найденные в ГК предметы по типологическим группам. И в папке «Портреты» оказались два портрета из собрания «Ростовского кремля», первый из которых имеет название «Портрет неизвестного» 1952 года, он написан И. И. Солдатовым (1917–2009), второй — «Портрет мужчины» 1950–1960-х годов работы А. М. Кокина (1924–1967).

Ил. 1

Ил. 2

Ил. 3

Ил. 4

Рассмотрим «Портрет неизвестного» 1952 года (ил. 1).

На овальной, с голубым фоном пластинке с тонкой темной оправой, имеющей вверху по центру петлю, представлен погрудно, почти фронтально (с легким поворотом влево по отношению к зрителю) мужчина средних лет в строгом костюме — темном пиджаке с широкими лацканами, белой рубашке и темном галстуке. О среднем возрасте говорят седые волосы, четкая носогубная складка. Характерными в облике изображенного являются прическа — волосы зачесаны назад, а также особенности лица: форма лба с прямой линией волос; ушей — оттопыренных, с неприросшими мочками; слегка сведенных к переносице бровей — прямых, с небольшим изломом к вискам; глаз — с возрастным нависанием верхнего века над внешними уголками; носа — средней длины, прямого, с заостренным кончиком; неширокого рта с четко очерченными выпуклыми губами, притом ложбинка над верхней губой довольно длинная, она подчеркивает выпуклость губ. Заметна не удавшаяся художнику попытка показать рельеф лица — в результате чего средние линии носа и рта не совпадают.

Установить, кто именно изображен на этом портрете, оказалось очень легко. Среди отобранных в упомянутую папку «Портреты» оказался хранящийся в собрании «Ростовского кремля» портрет Николая Михайловича Хрыкова (1912–1972, ил. 3), выполненный Н. А. Куландиным (1930–2003) в 1987 году. Портретное сходство изображенных на этих двух пластинках очевидно. Конечно — со скидкой на стиль времени, на авторскую манеру каждого из финифтянщиков. Нельзя не учесть того, что первый портрет был прижизненным, а второй написан спустя пятнадцать лет после смерти Хрыкова, в популярном у ростовских мастеров в 1980-е годы жанре мемориального портрета. Достаточно вспомнить портреты Богдана Хмельницкого (1979), А. С. Суворова (1981), Н. А. Некрасова (1982), В. И. Ленина (1982), А. А. Назарова (1987) работы того же Н. А. Куландина; Н. Н. Раевского (1982), А. А. Титова (1983), И. А. Морозова (1987) — Б. М. Михайленко; Д. С. Дохтурова (1984) — А. Г. Алексеева; В. Ф. Стожарова (1984) и И. А. Шлякова (1984) — А. А. Хаунова. Такие портреты чаще изображали уже умерших деятелей политики и культуры, нередко содержали в себе атрибуты профессии (см. ил. 2 — за спиной художника условно показаны портретные миниатюры на финифти). Кроме того, изготавливались и портреты парадные — в подарок современным художнику политическим деятелям.

Изображенных на ил. 1 и 2 объединяли характерная линия лба, тип прически, форма глаз, ушей, носа, очертания скул. Окончательно же вопрос разрешился при обращении к материалам форума Ярославского историко-родословного общества, где в разделе «Хрыковы» были опубликованы фотографии как самого Николая Михайловича (ил. 3), так и его финифтяного автопортрета (ил. 4).

Приведенные сведения показывают: на «Портрете неизвестного» 1952 года, написанном И. И. Солдатовым, изображен Н. М. Хрыков, в то время, по приведенным В. Ф. Пак в биобиблиографическом словаре «Ростовская финифть XX века» сведениям,— художественный руководитель финифтяной артели «Возрождение».

Более сложным было установить личность неизвестного на «Портрете мужчины», написанном А. М. Кокиным (ил. 5). Финифтяная пластинка здесь тоже овальная, изображение монохромное, выполнено коричневой краской. Изображение погрудное. Представлен здесь явно не современник художника — на мужчине одежда середины XIX века: плотно сидящий на фигуре двубортный сюртук с широкими острыми лацканами. Воротник — темнее, чем прочие детали. Белая рубашка с высоким воротом дополнена шейным платком. Пропорции изображенного искажены — создается впечатление, что голова приставлена к костюму. Одно плечо (правое от зрителя) выше другого — видимо, автор пытался изобразить фигуру в ракурсе. О такой попытке свидетельствует и излишнее скругление кпереди линий окатов рукавов.

Именно костюм и помог определить направление поиска: оказалось, что он весьма точно соответствовал костюму композитора М. И. Глинки (1804–1857, ил. 6) на широко известной литографии из «Портретной галереи русских писателей» (СПб., 1869. Т. 2). Силуэт доличного повторяет силуэт портрета Глинки в зеркальном отражении: на литографии правое от зрителя плечо ниже левого. В зеркальном же отражении, с наклоном слева направо, написан на финифти и шейный платок. Правда, если на литографии узел изображен реалистично, складки на ткани натуральны, то в финифтяном портрете эту пластичность завязанной в мягкий узел ткани воспроизвести не удалось.

Что стало источником для изображения лица на «Портрете мужчины», пока сказать определенно нельзя. Силуэт головы в целом, постановка головы, прическа, вплоть до пряди волос у левого от зрителя виска персонажа, соответствуют портрету композитора работы Я. Ф. Яненко (1840-е годы, ил. 7). Лицо же очень похоже на выполненный И. Е. Репиным портрет «Михаил Глинка во время работы над оперой "Руслан и Людмила"» (1887, ил. 8). Все эти изображения широко репродуцировались, на их основе выпускались открытки — которые, как известно, очень часто использовали мастера ростовского художественного промысла в качестве образца.

Основываясь на приведенном анализе, можно сделать вывод о том, что «Портрет мужчины» был попыткой финифтянщика сделать портрет М. И. Глинки. Это, в свою очередь, с учетом общего для произведений декоративно-прикладного искусства СССР обычая отмечать различные даты жизни представителей власти и деятелей культуры и науки выпуском их портретов, предположительно можно отнести к какому-нибудь юбилею М. И. Глинки: 1954 год — 150-летие со дня рождения, 1957–100-летие со дня смерти.

Надо думать, именно вторую дату, день памяти композитора, отмечали более широко и с основательной подготовкой: выпустили массовым тиражом открытки с его портретом, альбом фотодокументов, организовали массовые мероприятия — в том числе учредили музыкальный фестиваль — старейший в стране ежегодный фестиваль классической музыки. Вполне возможно, что ростовский мастер Кокин, имея в виду предстоящие памятные дни, по собственному ли почину, по решению ли руководства финифтяной артели, откликнулся на актуальное событие.

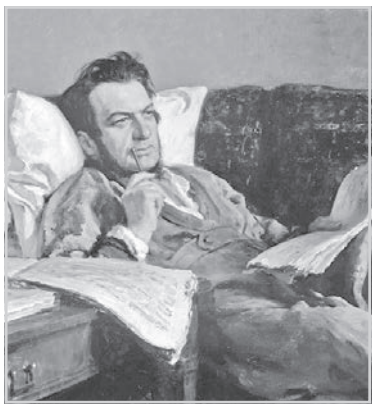
Изложенные обстоятельства позволяют сузить датировку «Портрета мужчины» и, исключив 1960-е годы, приблизить ее к 1954 году.

Вероятно, пластина оказалась неудачным опытом, не получила оправы и не была в свое время продана или подарена. Это предположение подтверждается историей поступления как этого портрета, так и ряда других пластинок с портретами работы того же художника. Шесть из семи кокинских портретов, очевидно, десятилетиями хранились в семье автора — они переданы в музей родственником художника в 2002 году. Пять из них лишены оправы — то есть не прошли финальную отделку. Четыре — датированы очень широко, 1950–1960-ми годами. Они, как и имеющий дату «Портрет женщины» (1952, ил. 9), видимо, оказались забракованы — портреты, попросту говоря, не получились и потому не дошли до потребителей.

Ил. 5

Ил. 6

Ил. 7



Ил. 8

Как и для портрета М. И. Глинки, для портретов Н. С. Хрущева (ил. 10) и А. М. Василевского (ил. 11) следует предложить более конкретную датировку. Хрущев изображен с двумя Звездами Героя социалистического труда, полученными в 1954 и 1957 годах; третья вручена в 1961 году. Значит, финифть написана в промежутке между 1957 и 1961 годами. Карьера А. М. Василевского закончилась после смерти И. В. Сталина. В 1957 году он вообще был уволен в отставку, до 1958 года занимал пост председателя Советского комитета ветеранов войны. Потому финифтяный портрет маршала вряд ли мог быть сделан после 1958 года.

Кстати, следуя той же логике, можно довольно точно датировать единственный из указанного комплекса портрет с оправой (которая украшена гирляндами из листьев лавра). Это портрет Н. А. Булганина (ил. 12). Сейчас он датирован 1950-ми годами. Исходя из биографии героя, портрет следует датировать временем около 1958 года — до момента утраты им поста председателя Совета Министров СССР. Как уже отмечено ранее, именно этот портрет, в отличие от прочих упомянутых, имеет оправу. То есть портрет был одобрен, оправлен — и остался у мастера, поскольку изображенный резко исчез из политики.

Любовь Мельник

Ил. 9

Ил. 10

Ил. 11

Ил. 12

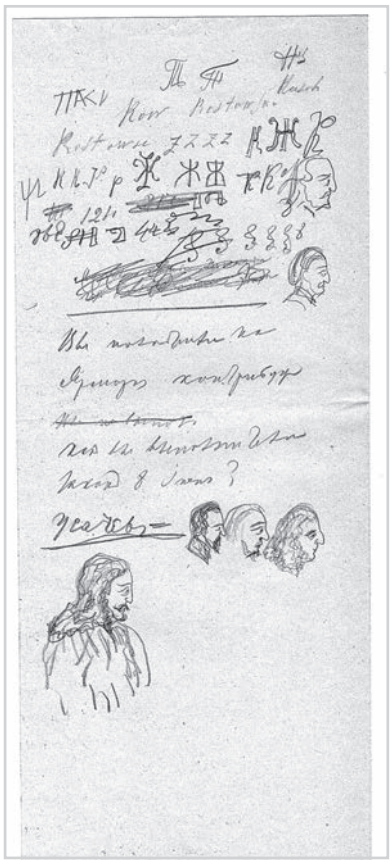
Грифонажи А. А. Титова

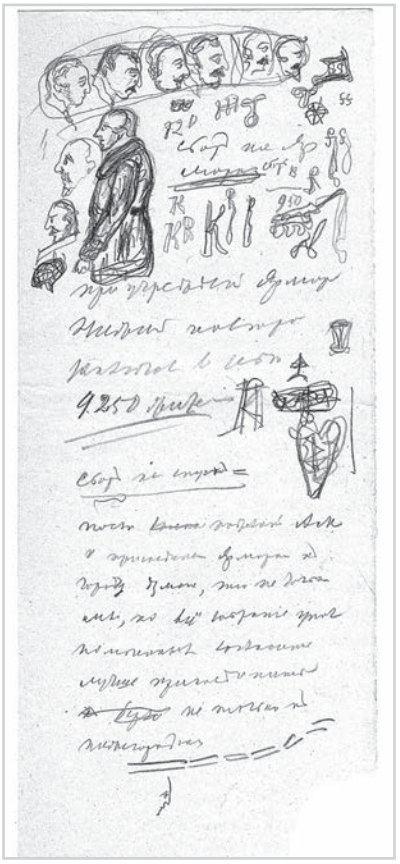
Нет нужды знакомить постоянных читателей «Ростовской старины» с личностью А. А. Титова — на страницах нашей газеты фигура одного из отцов-основателей Ростовского музея освещена сколь можно полно, практически со всех сторон. Глубокий знаток древностей, коллекционер и издатель, принимавший (как и было положено человеку его статуса) деятельное участие в работе всевозможных государственных, общественных и научных учреждений и организаций: многолетний гласный Ростовской городской думы, уездного и губернского земств, член различных комиссий, комитетов, обществ и т.п. При этом всю свою многостороннюю деятельность он успевал совмещать с довольно успешным управлением собственным коммерческим предприятием, благодаря которому он, во многом, и мог себе позволить свои весьма и весьма недешевые увлечения.

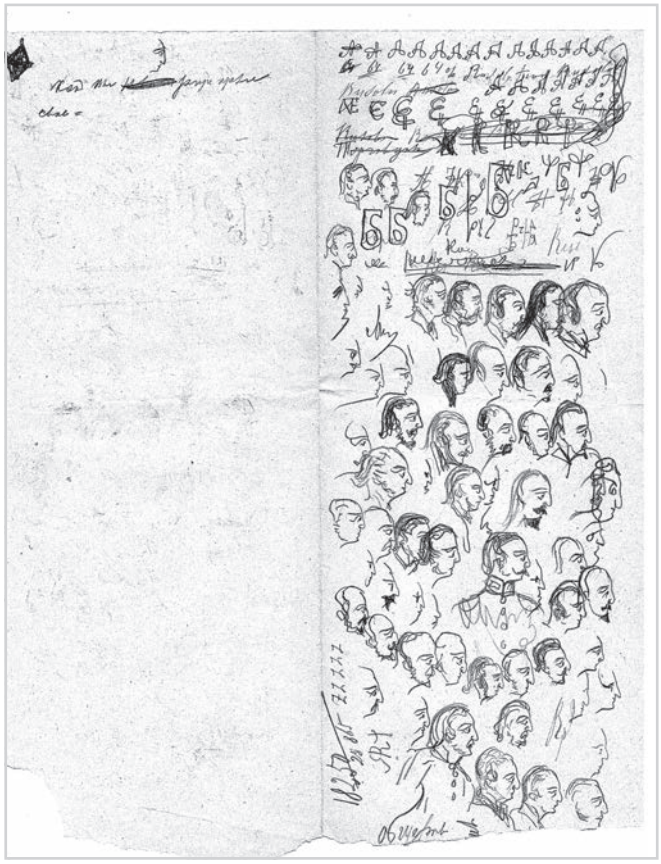
Именно с этой сферой деятельности Титова связана новая находка, открывшая нам еще одну грань его таланта: художественную.

Начнем издалека: итак, как любой серьезный коммерсант, А. А. Титов не мог обойти стороной тогдашнее сердце деловой России, или, как говорили современники, ее «карман» — знаменитую Нижегородскую ярмарку. Его лавки упоминаются как в ярмарочном справочнике 1870 года, так и в более поздних изданиях. Они имели номера с 4-го по 7-й и располагались по 15-й и 16-й линиям в Суровском ряду («суровским товаром» называли шелковые, хлопчатобумажные и легкие шерстяные ткани) — сейчас это Мануфактурная улица. Помимо чисто коммерческого интереса, ярмарка стала еще одним полем для неутомимой деятельности Титова: он являлся членом Ярмарочного комитета, был старшиной Ярмарочного биржевого комитета, возглавлял его Статистическое бюро, подготовил и издал отчеты о ходе торговли на ярмарке за 1906–1908 годы.

Эти отчеты, вместе с некоторыми другими ярмарочными изданиями из библиотеки Титова, перешли в научную библиотеку музея. Среди них находился довольно тривиальный документ — письмо из Министерства финансов в Министерство торговли и промышленности касательно налогообложения ярмарочных имуществ в пользу земства. Разумеется, не сам оригинал письма, а его копия, изготовленная посредством стеклографии — технологии копирования текстов небольшими тиражами при помощи стеклянной пластины и специальных чернил, эдакий «ксерокс» начала прошлого века. Документ датирован концом декабря 1908 года и, очевидно, обсуждался уже в 1909 году на заседании органов внутриярмарочного самоуправления — Ярмарочного комитета и Общего собрания уполномоченных от ярмарочного купечества.







Письмо, как было принято у высшей имперской бюрократии, составлено основательно и занимает 8 листов машинописного текста. А между этими восемью листами был вложен еще один клочок бумаги, сплошь усеянный карандашными записями и рисунками. Характерный почерк не оставляет сомнения, что их автором был А. А. Титов. Записи, судя по их содержанию, представляют собой тезисы и замечания на доклад (или доклады?), читанный на заседании: «При учреждении ярмарки Нижний Новгород заключал в себе 9250 жителей», «Вы возложили на ярмарку контрибуцию» (видимо, речь идет как раз о сборе в пользу земства), «Как вы выполнили закон 8 июня?» и т.п.

Прения по этому вопросу, очевидно, были продолжительными и не слишком увлекательными, так что в какой-то момент Титов, как это наверняка бывало со всеми нами хотя бы в школе или институте, заскучал, и на том же клочке бумаги начал вырисовать вензеля (буквально) и зарисовывать соседей. Подобные рисунки, которые в обиходе обычно называют «каракулями», вовсе не являются каким-то хулиганством, это довольно древний и почтенный жанр, который правильно называется «грифонаж». Грифонажи делали многие выдающиеся люди — взять хотя бы всем прекрасно известные рисунки А. С. Пушкина на полях его рукописей (именно они сразу приходят на ум при взгляде на грифонажи Титова).

Теперь, благодаря этой находке, собрание музея пополнилось совершенно уникальным предметом, а к портрету одного из его основателей добавился новый, доселе неизвестный штрих.

Дмитрий Чекмасов

Об обеспечении общественного порядка в Ростове и уезде осенью 1812 года

В фонде «Ростовский уездный исправник, г. Ростов Ярославской губернии» (№ 13) Ростовского филиала Государственного архива Ярославской области (далее — РФ ГАЯО) хранится дело «Переписка с городской полицией и земским судом об охране общественного порядка и благоустройстве» (№ 50). В нем имеется предписание ярославского губернатора М. Н. Голицына на имя предводителя дворянства В. И. Филатьева о принятии необходимых мер для безопасного проживания жителей уезда.

Данный источник ценен потому, что в нем содержатся сведения об указаниях Голицына насчет выставления чинами земской и городской полиций караулов в Ростове и селениях уезда, поимки всех подозрительных и мародеров, а также задержании самовольно оставивших свои воинские части дезертиров и отправки их в распоряжение начальника губернии.

Документ — рукопись черными чернилами на светло-голубом листе бумаги «верже». Ширина по верхней и нижней кромке около 42 см, по корешку и внешнему боковому (правому) обрезу 33 см. Лист сфальцован (согнут) пополам (около 33 х 21 см), каждая из половин учтена в деле как самостоятельный лист. На листе под архивной нумерацией «20» в верхнем правом углу имеется утрата бумаги, размер по внешним кромкам около 6,2 х 1,7 см.

На просвет листа видна сеть из полос — вержеры и понтюзоры. Частые линии по ширине листа — это вержеры, а более редкие по длине листа — понтюзо. Линий 15, интервал между ними около 2,5 см. На одной части листа на просвет ближе к середине видна филигрань в круге (диаметр около 8,5 см) с гербом Российской империи — двуглавый орел на постаменте, под ним — литера «Я Б М Я», на другой — литера «Я Б М Я», у нижней кромки — дата «1812» («Ярославская большая мануфактура Яковлевых», см.: *Клепиков С. А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959. С. 14, 70; *Клепиков С. А.* Филиграни на бумаге русского производства XVIII — начала XX века. М., 1978. С. 60, 83). Лист в дело подшит так, что филигрань, литера и дата опрокинуты (перевернуты вверх ногами).

На лицевой стороне листов в верхнем правом углу черными чернилам и написано «27» и «28» (числа обозначают первую архивную нумерацию документа в деле, зачеркнуты простым карандашом), там же простым карандашом — «20» и «21» (числа обозначают вторую архивную нумерацию документа в деле).

Листы подшиты в дело светло-коричневой капроновой нитью на 4 прокола.

Текст в публикации передается современным гражданским шрифтом с заменой отсутствующих в современном алфавите букв: «і» заменяется на «и», «ять» — на «е», буква «ъ» в конце слова опускается. Знаки препинания расставляются в соответствии с современными правилами, но с учетом имеющихся в тексте. Орфография частично сохранена. Листы рукописи (recto и verso) отмечаются в скобках; указывается номер листа — просто для recto и с прибавлением сокращения «об.» — для verso. Текст в надписи на лицевой стороне листа под архивной нумерацией 20 на левом поле передается с разделением на строки — знаком //.

Константин Степанов

1812 г., сентября 15.— Предписание ярославского губернатора М. Н. Голицына на имя предводителя дворянства В. И. Филатьева о принятии необходимых мер для безопасного проживания жителей уезда в условиях военного времени.

(л. 20) Господину полковнику ростовскому дворянскому предводителю и ковалеру Владимиру Ивановичу Филатьеву.

Его Императорское Высочество генерал-губернатор возложил на гг. дворянских предводителей сохранение спокойствия и безопасности в городах и уездах, предписал градским и земским полициям быть в их зависимости, на сей токмо случай.

При всей уверенности моей, что собственные распоряжения Ваши будут таковы, какия быть должны в настоящих обстоятельствах, я с моей стороны обязанностию считаю предварить Вас.

I. Об усилении полиций (здесь и ниже название каждого из разделов в документе с I-го по III-й подчеркнуто черными чернилами. – *К.С.*).

Способы Ростовскаго земскаго суда не достаточны при тех токмо членах его. Итак, назначите Вы еще не менее двух чиновников для успешнейших действий и меня уведомите. ||

(л. 20 об.) В каждой сотне сотской и два пятидесятские, в каждом десятке десятской могут удобно блюсти за караулами, но самые караулы надлежит учредить во всех селениях, тем более к стороне московской и тверской из поселян под строгим надзором чиновников земскаго суда.

Градская полиция в Ростове не требует прибавки чиновников, однако же определенное число ночных сторожей и полицейских служителей должно быть умножено гражданами, из которых учредите Вы по сношению с градскою думою и начальником полиции достаточные караулы.

II. О предосторожностях.

В случаях, естьли (так в документе. – *К.С.*) бы где замечены были подозрительныя люди, ловить и представлять в губернский город, а при появлении так называемых мародеров — сзывать народ колокольным звоном, схватывать их и вязать, но при || *(л. 21)* доставлении сюда не делать вреда им, пресекая все способы к побегам.

III. О вооружении.

Его Императорское Высочество предписал избегать вооружений, но сие разумеется о вооружениях повсеместных. Всякой обыватель должен непременно запасаться оружием, каким только может, чтоб в опасных случаях, от которых, да сохранит Бог, мог защищать себя и свое жилище.

Ростовским земскому исправнику и полицмейстеру предписал я доставить к Вам копии с предписаний моих о предварительных предосторожностях и уведомить Вас о принятых уже мерах.

Вашею обязанностью есть руководствовать полиции в дальнейших средствах и во всем, что относится до сохранения спокойствия и безопасности.

Я остаюсь в полной надежде, что порядок и устройство будут целью Ваших распоряжений.

(л. 21 об.) Впрочем, о каждой новой мере, какия будут приниматься, Вы тотчас будете меня уведомлять, не останавливая ее действия.

Между тем, ныне же учредите посты к местам военных действий, дабы могли Вы ежедневно получать извещения о движениях неприятеля, уведомляя о том и меня как возможно чаще.

Наконец, замечаю тем, что статью о мародерах распространите Вы и на тех пеших военнослужителей, которые под предлогом полученных ран, не имея никаких видов, отлучаются самовольно внутрь России. Вы распорядитесь, чтоб они были браты и равномерно доставлялись сюда за присмотром.

Гражданский губернатор к. Михаил Голицын (предложение написано другим почерком черными чернилами. – *К.С.*).

На лицевой стороне листа под архивной нумерацией 20, на левом поле ближе к верхнему левому углу черными чернилами написано: «// О спокой//ствии (под частью слова ствии поставлена фигурная скобка, обращена вниз. – *К.С.*). // 15 сентября // 1812. // № 5881».

Там же в верхнем левом углу имеется помета: «№ 7-й», *сделана другим почерком черными чернилами.*

Там же в верхнем правом углу имеется помета: «П[олучено] сентября 16 дня [1812]», *сделана другим почерком черными чернилами.*

РФ ГАЯО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 50. Л. 20–21 об. Подлинник. Рукопись неустановленного писца черными чернилами. Подпись — автограф

Участок земли у южной стены Конюшенного двора в XVII – начале XIX века

Участок, которому посвящена настоящая работа, ограничен с востока улицей Петровичева, с юга – владением дома № 2 по ул. Петровичева, с запада – валом земляной крепости XVII в. и с севера – южной стеной Конюшенного двора Ростовского архиерейского дома (ныне кремля). В настоящее время данный участок является усадебной территорией кирпичного дома, имеющего адрес: г. Ростов, Ярославской обл., ул. Петровичева, № 2. История этого участка никогда ранее не исследовалась. Документы позволяют ее проследить начиная с конца XVII и до начала XIX в.

Опись Ростовского архиерейского дома 1691 г. сообщает о нем следующее: «Да в житницах за митрополичьим домом, что у конюшенного домоваго двора, по сказке житенного старца Логина, двести пятьдесят четей ржи, овса тож».

Следовательно, данный участок принадлежал тогда Ростовскому архиерейскому дому и использовался для хранения зерна в специальных «житницах».

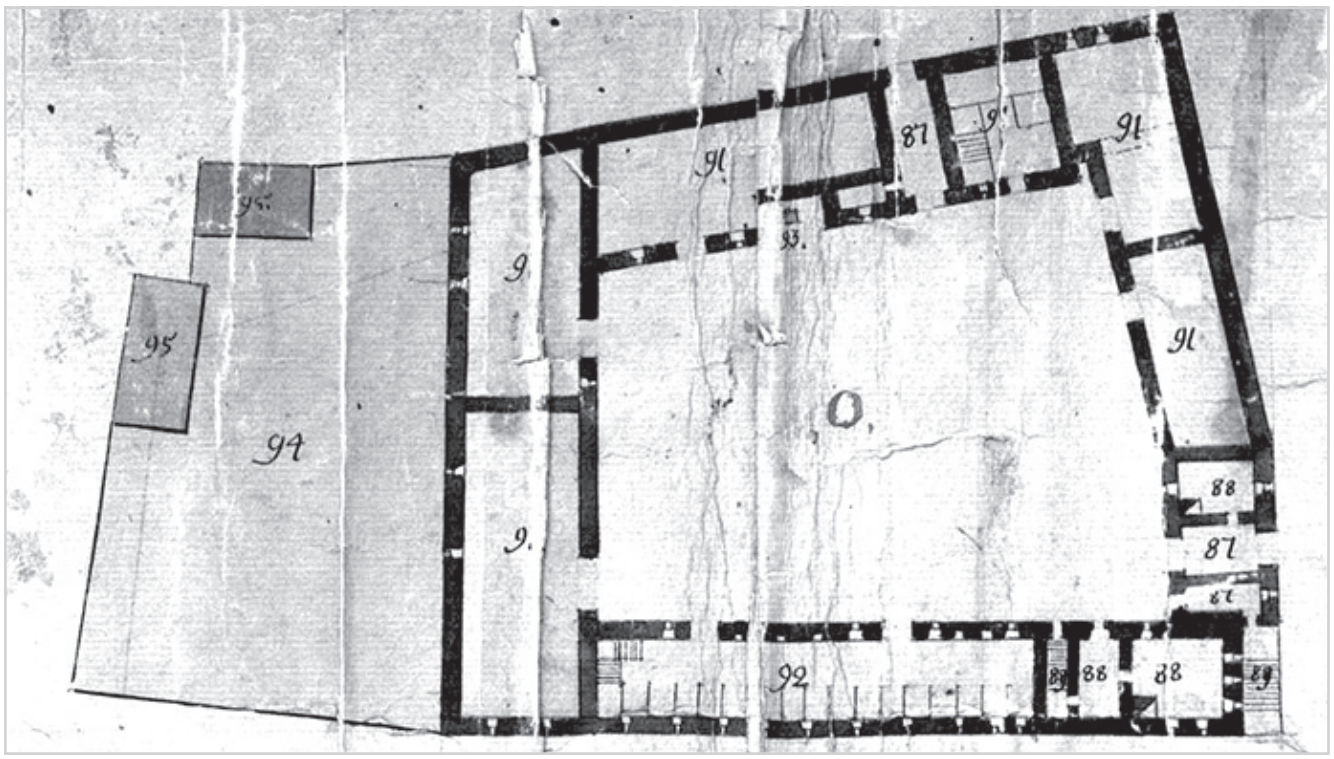
Следующее по времени описание рассматриваемого участка имеется в Описи Ростовского архиерейского дома 1763 г.: «При означенном конюшенном дворе яблонный сад, огорожен заборами з деревянными балясами, длиной на дватцати двух, шириною на четырнатцети саженях».

Как известно, длина сажени тогда равнялась 213, 36 м. Значит, участок имел тогда длину около 46,9 м и ширину около 23,8 м.

Как видим, на интересующем нас участке в 1763 г. располагался яблоневый сад, принадлежавший архиерейскому дому.

План центральной части Ростова, составленный между 1755 и 1760 гг., зримо свидетельствует, что на этом месте накануне составления упомянутой описи 1763 г. действительно существовал сад.

Интересующий нас участок показан на старейшем плане Ростовского архиерейского дома начала 1790-х годов под № 94 (ил. 1). На этом чертеже он определен следующим образом: «подле оного огородное место». Значит, в начале 1790-х годов данный участок по-прежнему принадлежал тому же архиерейскому дому.



Ил.1. План Ростовского архиерейского дома начала 1790-х гг.

На плане центральной части Ростова начала XIX в. обозначен существующий ныне каменный дом (Петровичева, 2), и указано, что он с прилегающей к нему территорией находится во владении «Михаила и Петра Маскалевых».

Следовательно, между 1790-ми годами и началом XIX в. рассматриваемый участок перешел от Ростовского архиерейского дома в частную собственность. Очевидно, это было связано с переводом в конце XVIII в. архиерейской кафедры из Ростова в Ярославль.

Александр Мельник

Контракты на обучение финифтяному мастерству и производство финифти в маклерских книгах Ростова начала XIX в.

Финифти, иконописи на эмали XVIII–XIX вв., в Ростове посвящены основательные работы Марины Михайловны Федоровой. Предметом нашего исследования являются маклерские книги Ростова конца XVIII — начала XIX в.— важный документальный источник по договорам и контрактам, охватывающий самые разные профессии. Здесь также отложились документы, связанные с именами известных финифтяных мастеров. Рассмотрим по содержанию и форме некоторые из них.

Ряд контрактов связан с именами мастеров финифти Шапошниковых. История семьи подробно рассматривалась в трудах М. М. Федоровой. Договоры свидетельствуют факты обучения мастерами Шапошниковыми учеников.

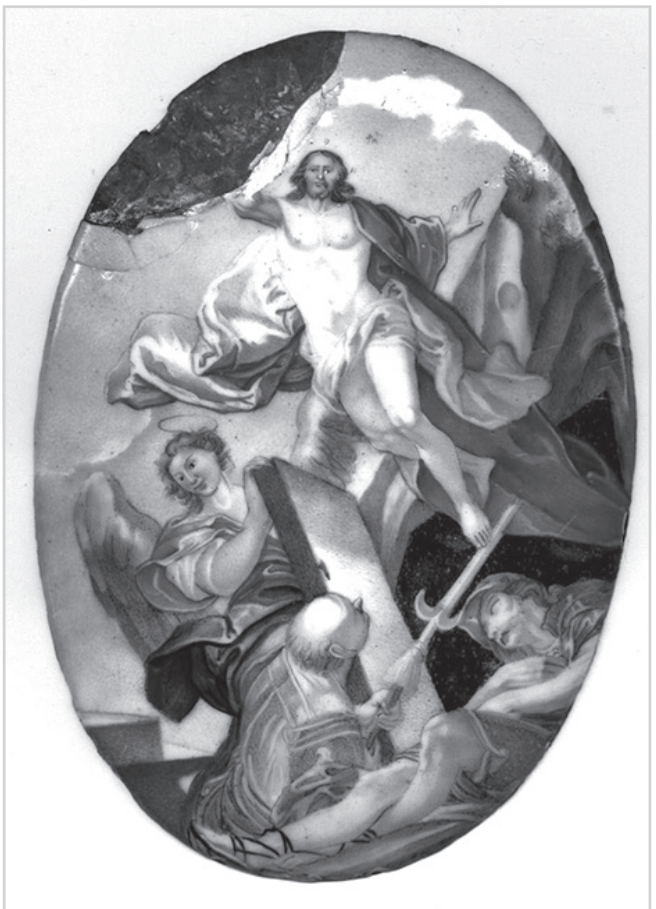
Так, 5 июня 1813 г. ростовский мещанин Яков Иванов Шапошников заключил договор с ростовским мещанином Иваном Ивановым Поникаровым. Текст договора изложен от имени Шапошникова, который взял от Поникарова его сына, Василия Иванова, для обучения финифтяному мастерству. Указан срок обучения — один год. Плата за обучение составляла 100 рублей. Как учитель Шапошников дал обязательство показать ученику составы красок и работу по финифти таким образом, чтобы у ученика на пробах выходило точно так, как у него самого. Мастер должен был иметь неустанный присмотр за учеником в течение всего срока обучения, так, чтобы по его истечении, Василий Иванов мог «сам по себе», самостоятельно работать по финифти.

Яков Иванов Шапошников подписал документ собственноручно, был грамотным. 14 июня 1813 г. рассмотренное «договорное письмо» было представлено в Ростове, у маклерских дел. В маклерскую книгу «подлинником» договор под № 145 записал маклер Николай Носов.

1 мая следующего, 1814 г., подобный договор был заключен между мещанином Яковом Ивановым Шапошниковым и ростовским купеческим сыном Иваном Евдокимовым Хорошавиным. Текст документа изложен от имени последнего. Хорошавин «по благо рассуждению своему» отдал своего родного сына Ивана Иванова мастеру Шапошникову для обучения финифтяному мастерству. Срок обучения составлял уже пять лет, начиная с момента подписания договора. При этом Хорошавин обязался заплатить за обучение сына 100 рублей. Выплата данной суммы была разбита на несколько сроков: 25 рублей при заключении договора; 25 рублей — к 1 марта 1815 г.; оставшиеся 50 рублей — к моменту окончания обучения. Ученику предписывалось быть у мастера в послушании и повиновении. Аналогично предыдущему договору Шапошников дал обязательство показать ученику составы красок и работу по финифти.

Стороны договорились соблюдать заключенный договор «свято и нерушимо». Подписали его собственноручно, были грамотными. 13 мая 1814 г. рассмотренный договор был «явлен» в Ростове, у маклерских дел. В маклерскую книгу «подлинником» договор под № 99 записал маклер Николай Носов. В самой маклерской книге под текстом наличествуют подписи Ивана Хорошавина и Якова Шапошникова.

Имя мастера Я. И. Шапошникова встречается и в других контрактах. 1-го же мая 1814 г. Шапошников заключил договор с дьячком храма Архангела Михаила города Ростова Александром Федоровым. Текст документа изложен от имени Шапошникова. Мастер обязался в течение двух лет производить для Федорова, трудясь в своем собственном доме, из своего собственного материала «финифтяные штуки» без оправы, «самой лучшей работы». При заключении договора стороны заранее обсудили размеры упомянутых «финифтяных штук» и цену. А при его подписании Шапошников получил от Федорова задаток в сумме 500 рублей. Кроме того, мастер дал дьячку обязательство не вступать в течение двухлетнего срока действия договора ни в какие другие подряды по изготовлению финифти. Если же такие предложения Шапошникову поступали, он должен был переуступать их Федорову. При нарушении данного раздела договора, если Федоров узнавал от посторонних людей или «даже по слухам», что мастер работал еще на кого-то, Шапошников возвращал ему всю сумму, которую получил заранее, то есть 500 рублей, не считая других израсходованных денег.



Ил.1. Я. И. Шапошников. Дробница «Воскресение Христово», первая половина XIX в. ГМЗРК. Ф-2062

Ниже в тексте присутствует традиционная формулировка о том, что стороны договорились соблюдать заключенный договор «свято и нерушимо». Подписали его собственноручно. 13 мая 1814 г. рассмотренный договор был «явлен» в Ростове, у маклерских дел. В маклерскую книгу «подлинником» договор под № 106 записал маклер Николай Носов. В маклерской книге под текстом договора наличествуют подписи Якова Шапошникова и Александра Федорова.

В маклерских книгах отложились договоры, связанные с другим мастером — Дмитрием Михайловым Гладковым. Фамилия в текстах написана «Глатков» или «Гладков».

1 февраля 1811 г. ростовские посадские Дмитрий Михайлов Гладков и Гаврило Андреев Гвоздарев заключили между собой следующее условие. Гладков обязался написать для Гвоздарева 2000 финифтяных образков «средней руки», или размера, и «разных сортов», т.е. видов, в течение года. За проделанную работу полагалась плата в 200 рублей. В задаток при подписании договора Гладков получил 70 рублей. Выплата остальных денег предполагалась при завершении качественной работы.

24 марта 1811 г. рассмотренный договор Гаврило Андреев Гвоздарев представил в Ростове, у маклерских дел. В маклерскую книгу договор «подлинником» под № 117 записал маклер Иван Иконников. Текст договора, как значится в приписке маклера, был написан на 50-копеечном листе. Поэтому со сторон были взяты 50 копеек для отсылки в казну. В самой маклерской книге под текстом наличествует сделанная более темными чернилами подпись Гаврилы Андреева Гвоздарева, у которого хранился подлинник.

В июне 1814 г. ростовский посадский Дмитрий Михайлов Гладков заключил договор с ростовским же посадским Михаилом Алексеевым Серебренниковым. Текст документа изложен от имени последнего. Гладков взялся «сработать» для Серебренникова из собственного материала 2000 штук финифтяных образков ценой по 140 рублей за каждую тысячу. Или за всю работу: 280 рублей. Мастер должен был сделать еще 2000 образков меньшего размера на 200 рублей, по 100 рублей за каждую тысячу. Причем с разными именами святых.

Все вышеупомянутые образа Гладков обязался поставить Серебренникову к последним числам будущего 1815 г., а именно к 1 января. При подписании договора Серебренников выплатил Гладкову аванс в сумме 10 рублей ассигнациями. При нарушении поставки в указанные сроки Гладков должен был бы выплатить Серебренникову неустойку в размере половины суммы заказа.

Стороны подписали договор собственноручно. 20 июня 1814 г. рассмотренный договор был «явлен» в Ростове, у маклерских дел. В маклерскую книгу договор «подлинником» под № 128 записал маклер Николай Носов. В самой маклерской книге под текстом наличествуют подписи сторон.

Таким образом, у ростовских мастеров финифти, подобно представителям других специальностей, наличествовала практика заключения письменных договоров и контрактов по разным вопросам: брали учеников для обучения, работали по заказам и пр. Тексты договоров раскрывают определенный перечень условий, за нарушение которых следовали штрафные санкции, а также выплата аванса, ясные объемы и сроки поставок, место производства.

Александр Морозов

Юбилейная выставка фабрики «Ростовская финифть» в Ростовском кремле (1918—2018)

1918 г. стал отправной точкой в истории бытования финифтяного производства в Ростове в советскую эпоху. С этой даты и ведется отсчет существования фабрики «Ростовская финифть» — преемницы лучших традиций промысла, ведущего свое начало с середины XVIII века. В 2018 году была организована выставка в Ярославском государственном музее-заповеднике под названием «Про финифть. К 100-летнему юбилею фабрики “Ростовская финифть”».

Тогда же было решено провести первую в цикле юбилейных торжеств выставку и в «Ростовском кремле». Эта идея принадлежала директору музея Н. С. Каровской. Фабрика в лице директора В.И. Бурдина поддержала начинание. Выставка была организована в рамках IV «Фестиваля ростовской финифти», который проходил в июле 2017 г.

Подготовка к выставке велась в течение нескольких месяцев. Уже на начальном этапе была достигнута договоренность о том, что показ будет совместным: задействуются и собрание музея, и коллекция фабрики. Общее количество представленных экспонатов составило 245 единиц. Выставка размещалась в парадном зале Государских хором (Красной палате).

В основе показа был заложен историко-хронологический принцип. Из собрания Ростовского музея был представлен самый ранний по времени создания предмет — запонки 1920-х гг. под названием «Букет цветов». Особое место занимали диплом и золотая медаль Брюссельской выставки 1958 г. (ил. 1, 2).

Ил. 1

Ил. 2

Также была показана массовая продукция 1960-х гг. — ювелирные украшения с цветочной росписью (бусы, коробочки, кулоны, зеркала), исполненные ведущими мастерами фабрики: В. В. Горским, А. М. Кокиным, М. М. Кулыбиным, А. А. Лаврентьевым, С. М. Каретниковой.

Следующая тема — «Юбиляры» — демонстрировалась персональными комплексами (ил. 3, 4), где были представлены произведения ведущих мастеров промысла (живописцев и ювелиров) второй половины XX в., как уже ушедших, так и ныне здравствующих.

Далее в трех горизонтальных витринах отдельными темами показывались произведения фабрики за три десятилетия: 1970-е, 1980-е и 1990-е гг. — периодов подъема и пика развития советской финифти. На 1990-х гг. также лежит печать резких перемен в традициях промысла.

Сувенирная продукция фабрики конца 1990-х гг. — первой половины 2010-х гг. была выделена в отдельную тему. Здесь экспонировались шкатулки, коробочки, гарнитуры, панно — все, что активно выпускалось и пользовалось большим спросом в эти годы. Сувенирная продукция начала XXI столетия раскрывала современное состояние фабрики и обозначала перспективы развития производства.

Культовая тематика, которая на рубеже XX–XXI столетий вновь активно вошла в жизнь финифтяного промысла, располагалась в двух витринах. Среди представленных икон Богородицы особое значение для ростовцев всегда являл образ Богоматери «Умиление Ростовская». Он исполнен живописцем по эмали В. А. Коробовой и ювелиром А. В. Мальгиной (2000 г.).

Данная выставка стала наглядным итогом развития финифти за столетие и дала возможность проследить творческий путь отдельных мастеров промысла, как появлялись и развивались вместе с эпохами стили, направления, задачи. Она вызвала немалый интерес как у гостей нашего города, так и у самих ростовцев.

Елена Артемичева

Ил. 3

Ил. 4

Контракт аренды ростовскими купцами здания Конюшенного двора

В маклерской книге города Ростова за 1803–1805 гг. отложился контракт, связанный с историей Конюшенного двора Ростовского архиерейского дома в начале XIX в. Рассмотрим его.

25 января 1804 г. ростовские 3-й гильдии купцы Михаил Иванов Маскалев и Василий Иванов Скатерников заключили договор с назначенными над Ростовским архиерейским домом смотрителями. Первым из смотрителей упомянут архимандрит Ростовского Богоявленского Аврамиева монастыря Иосаф. Второй — строитель Ростовского Белогостицкого монастыря, иеромонах Исакий.

Предметом договора послужила сдача в аренду упомянутыми смотрителями купцам здания Конюшенного двора, за исключением того места, где была устроена и функционировала богадельня.

Срок аренды, или «содержания», Конюшенного двора довольно длительный — 12 лет, начиная с момента заключения договора, то есть, с 25 января 1804 г. и заканчивая 25 января 1816 г. Из текста документа следует, что сумма арендной платы была выработана на основе публично проведенных торгов, то есть наивысшей суммы, предложенной разными лицами, в них участвовавшими. Она составляла 150 рублей в год. Отметим, что все суммы и даты в тексте написаны прописью. При этом на арендаторов, или «содержателей», Конюшенного двора ложился целый ряд обязательств, изложенных в следующих десяти пунктах.

Во-первых, весь упомянутый «оброк» Маскалев и Скатерников должны были выплачивать вперед, в начале каждого года, к 25 января, то есть, к дате заключения договора. В случае просрочки платежа арендаторы обязались платить «оброчную сумму» с указанными, уже за каждый месяц, годовыми процентами. Во-вторых, все перестроенное купцами для своих нужд «в покоях того двора или в сараях», по истечении 12 лет оставалось в собственность арендодателя. Арендаторы не могли требовать за такие перестройки от арендодателя ни возмещения затрат, ни исключения данных издержек из суммы арендной платы.

3-й пункт также касался возможного строительства. Внутри Конюшенного двора купцы имели намерение сделать, для своих выгод, кровлю. По истечении срока аренды они были вправе ее разобрать и вывезти.

В 4-м пункте обговаривались обязательства арендаторов, связанные с возможным прибытием Его Высокопреосвященства или его представителей в Ростов. В таких случаях купцы должны были оставлять для их лошадей шесть стойл и каретный сарай, а для служителей отводить особый и «неутеснительный покой», без требования за данные издержки какого-либо платежа, даже если простой занимал длительное время.

5-й пункт предоставлял возможность арендаторам во внутренних покоях и сараях производить перестройку по их собственному усмотрению. Однако пробивать новые оконные и дверные проемы без ведома арендодателя строго запрещалось. Для этого требовалось получить письменное разрешение.

В 6-м пункте значится, что арендаторы принимали здание Конюшенного двора по описи и с распиской в его приемке. По истечении срока аренды они были обязаны сдать здание арендодателю «во всей целости, так точно, как приняли и со вновь прибавочною внутри покоев и сараев пристройкою». Все пристройки и перестройки, сделанные за время пользования зданием, купцы должны были вносить в опись. За все утраченное или поврежденное, все, что по истечению срока не сходилось с описью, купцы строго обязывались заплатить деньгами или возместить утраченные вещи аналогичными или близкими к тем, что были указаны в описи.

7-й пункт касался ответственности арендаторов при пожаре. Если пожар в Конюшенном дворе происходил по вине купцов, их работников, постояльцев, приезжающих людей или по ветхости печей, а также по причине поджога, то все сгоревшее содержатели, согласно описи, обязывались восстановить за свой счет. В тексте подчеркивается, что данные затраты ни коим образом ни должны были вычитаться из суммы арендной платы. Однако, если пожар происходил от удара молнией во время грозы или от пожара соседних строений, в таком случае здание восстанавливалось за счет арендодателя.

В 8-м пункте обговаривались обязательства арендаторов, касавшиеся текущего ремонта здания. Они должны были делать за свой счет все «поправки и починки», кроме кровли, а также разрушения и падения стен и сводов. Таким образом, капитальный ремонт здания — крыши, кирпичных стен и сводов относился к обязанностям арендодателя. 9-й пункт обязывал купцов-компаньонов содержать в должном порядке, чинить и чистить проходившую около Конюшенного, на большой проезжей дороге, каменную, или булыжную, мостовую.

Последний, 10-й пункт договора содержит обязательства арендаторов не принимать к себе в работники беглых и подозрительных людей. Они несли полную ответственность при возникновении в данном постоялом дворе ссор и драк между приезжими и живущими, а также в случае убийства постояльца. В заключение отмечается, что обе стороны решили записать «условие» в маклерскую книгу в Ростове. Подлинник договора оставался на хранении у арендаторов. Представители Его Преосвященства, или арендодатели, получали копию документа.

Ниже, под текстом договора, стоят подписи ростовских купцов Михаила Иванова Маскалева и Василия Иванова Скатерникова, которые подписали документ собственноручно, то есть были грамотны.

На следующий день, 26 января 1804 г., договор был представлен в Ростове маклеру Алексею Привалову, записавшему его в маклерскую книгу под № 16. Под текстом другим почерком зафиксированы подписи купцов: «К подлинной записке ростовский купец Михайла Иванов сын Маскалев руку приложил. Далее, другим почерком: Подлинное условие ростовский купец Василей Скатерников явил и расписался».

Таким образом, контракт свидетельствует, что здание Конюшенного двора, как и другие помещения архиерейского дома, после перевода кафедры в Ярославль, сдавалось в аренду, на длительный срок представителям купеческого сословия, например, под постоялый двор. Документ характеризует права и обязанности арендаторов и арендодателя относительно содержания и использования здания, прилегавшей к нему территории в начале XIX в.

Александр Морозов

Музей 100 лет назад: по архивным документам

В 1921 г. в Ростовском музее древностей открылись следующие отделы: Музей революции, Музей старого Ростова, картинная галерея, обращена в музей ризница Спасо-Яковлевского монастыря. Вывозились из усадеб и описывались книги, художественные ценности, «памятники искусства и старины». Все это делалось небольшим штатом сотрудников, работавших в невообразимых условиях.

В это время отмечалась нехватка смотрителей, библиотекарей, научных сотрудников — для качественной систематизации собрания и плодотворной научной работы. «В случае сокращения числа научных работников музей превратится в склад», — отмечалось в одном из документов музея.

Состояние архитектурных памятников было если не аварийным, то близким к этому.

Дело в том, что Ростовский музей до 1918 г. управлялся Ученым комитетом музея, состоявшим из членов Московского археологического общества. В 1918 г. при составлении штатов и переходе музея в ведение Ростовского отдела народного образования комитет был упразднен, равно как и комиссия по административно-хозяйственному управлению Ростовским кремлем.

Данная комиссия была создана со времени реставрации 1880–1890-х гг. В ее состав входили настоятель Успенского собора, староста и священник кремлевских церквей, городской голова и представитель МАО. Комиссия занималась текущим ремонтом кремлевских зданий, их охраной, поддержанием чистоты в кремле и другими хозяйственными делами.

Для покрытия всех расходов, связанных с этими обязанностями, комиссии было дано право распоряжаться доходами от сдачи в аренду «складочных помещений» под церквями, башнями и другими зданиями кремля. Дохода, получаемого от аренды, хватало на оплату всех ежегодных ремонтов, покраску крыши, починку фундаментов стен и т.д., на наем сторожа и поддержание чистоты внутри кремля. Последний финансовый отчет Комиссии был в 1917 г., в этом же году она была ликвидирована. Вместе с ней исчез и единственный источник средств для поддержания зданий в надлежащем виде. «Заведование кремлем» перешло к администрации Ростовского музея древностей.

«Управление музея» с самого начала своего руководства кремлем стало ходатайствовать перед Всероссийской комиссией по охране памятников искусства и старины об отпуске средств на ремонт зданий. В начале 1919 г. из Москвы приезжала комиссия в составе 5 архитекторов, которая осмотрела все помещения, составила смету на необходимый ремонт и сделала заключение, что почти все здания кремля требуют безотлагательного ремонта.

Требовалось «немедленно отпустить средства по этой смете и летом того же 1919 г. приступить к ремонту». Но ни в 1919 г., ни позже «этих ассигнований» не было сделано, и памятники по-прежнему были «предоставлены дальнейшему разрушению». Музею из своих скудных средств приходилось производить расходы по самым неотложным ремонтам, например, чинить крыши после больших бурь, когда ветром отрывало целые листы железа.

С проведением новой экономической политики государством, «когда замечается течение переводить все учреждения на собственное содержание, надежда на отпуск средств из центра становится все более слабой, и потому музей находит своевременным возбудить ходатайство перед Ростовским исполкомом о передаче ему права получать арендные деньги со всех складочных помещений в кремле».

Все склады на территории кремля находились в ведении утрамота (транспортно-материального отдела уездного совета народного хозяйства), который и сдавал их разным учреждениям, большей частью Сельскосоюзу и Заготконторе.

Заведование зданиями утрамотом негативно отразилось как на состоянии самих памятников, так и на общей картине кремля — помещения, очевидно, сдавались без обязательств съемщиков заботиться об их состоянии и надлежащем виде.

В документах 1921–1922 гг. постоянно отмечалось, что многие здания не имели дверей, оконных рам и т.д. «Расхищены и сломаны внутри кремля палисадники и заборы, и весь кремль страшно загрязнен, т.к. съемщики помещений не чистят и не сгребают нечистоты после лошадей многочисленных подвод, сваливающих привезенные товары».

В начале 1921 г. музей информировал Ростовский отдел народного образования о частых взломах замков на помещениях музея и частых случаях краж, просил «принять всевозможные меры к усилению охраны зданий Музея». Отмечая, что в противном случае «Музей не может принять на себя ответственность за целость и сохранность его собраний», т.к. не имеет возможности и средств воспрепятствовать подобным хищениям, производимым по ночам.

Для предотвращения краж в дальнейшем музей в июле 1921 г. отправил обращение на имя коменданта Ростова с просьбой о передаче в собственность РМД «дома, пристроенного к южной стене кремля и примыкающего к западной стене главного помещения музея». Это небольшое здание было построено духовным училищем для бани и обращено впоследствии в приемный покой. «Последнее время» в нем жили два музыканта, на момент обращения музея здание пустовало и разрушалось. «Уже сейчас выбиты окна, частью совершенно сгнили, частью растащены рамы, разворочены печи, выбраны и растащены полы. В таком виде без капитального ремонта в нем жить совершенно невозможно. Кроме того, больше 2–4 человек в нем поместить нельзя. В то же время обладать этим домом важно для музея, ибо ранее с чердака этого дома путем взлома крыши пролезали на кремлевские стены и производились хищения в помещениях музея. Уголовным розыском установлено, что в хищениях участвовали жившие в этом доме музыканты».

Имея по соседству это пустующее здание, музей снова подвергался опасности хищения — «нельзя поручиться, что, в случае поселения неизвестных лиц, опасность эта минет». Учитывая изложенное, музей просил передать ему это здание с тем, чтобы его отремонтировать и обратить в сторожку. Текущим летом (1921 г.) в музее планировалось проведение реставрационных и строительных работ, и ремонт помещения был теоретически так же возможен.

Однако летом 1921 г. ни ремонта, ни реставрации зданий музея не было проведено. 17 ноября 1921 г. на заседании уисполкома г. Ростова, совместно с президиумом упрофбюро решено было вновь создать комиссию для обследования кремля, чтобы выявить потребность в ремонте его зданий.

Постановление об образовании комиссии было принято в декабре 1921 г., работала она уже в феврале 1922 г. Комиссия состояла из заведующего музеем Д. А. Ушакова, представителя коммунального отдела исполкома тов. Почкунова и председателя уисполкома тов. Пальцына. Члены комиссии произвели обследование как Музея древностей, так и других зданий кремля, о чем 20 февраля 1922 г. были составлены акты. В этих документах отражены все «потребности в ремонте» и прочие проблемы музея. Еще один документ, обнажающий бедственное положение, — доклад Д. А. Ушакова о Ростовском музее древностей на съезде представителей музеев, архивов и краеведческих обществ Русского севера, в сентябре 1922 г.

«Личный штат музея» в сентябре состоял из 14 человек, хотя «центром отпущено только на 9», но дальнейшее сокращение числа сотрудников было невозможным, т. к. в числе этих 14 человек были как научные сотрудники музея и библиотеки, так и технический персонал.

Служащие музея не получали жалование по новым ставкам в течение четырех месяцев 1921 г. и совершенно ничего не получили в 1922 г., находились «в бедственном положении». Многие сотрудники уходили из музея, наблюдалась текучка кадров. Оставшиеся выполняли сразу несколько функций, занимая ряд должностей. Это совершенно парализовало работу музея — из-за отсутствия средств оставались неперевезенными 5 возов книг библиотеки дворян Леонтьевых из усадьбы Воронино. Некоторые архивы остались «не сосредоточенными в музее» — работа по перевозке и книг, и архивов была возможна только зимой, но на это не было средств.

Витрин в музее было мало, а имевшиеся — старые, со сломанными замками и выбитыми стеклами не были пригодны для размещения экспонатов. На многих дверях кремля и музея не хватало замков, «выломанных с преступными целями в 1919–1921 г.».

Денег у музея не было, поэтому пришлось ввести плату за вход на выставки — 10 р. с посетителя. Это была небольшая сумма, но «плату за вход в сам музей» взимать было нельзя, поскольку «главная масса посетителей» Музея древностей состояла из учащихся и красноармейцев, часто стесненных в средствах.

Филиалы музея не имели ни витрин, ни средств и обслуживались тем же штатом музея, а, следовательно, нерегулярно. В филиалы в монастырях пускали только посетителей с экскурсией и специалистов.

Что касается зданий кремля, то повсюду наблюдались разрушительные процессы. Водяная башня дала трещину (кирпичи у контрфорса местами были вымыты дождями, местами выветрены), южная сторона башни выветрилась и нуждалась в скреплении известью.

Стены к югу той же башни выветрились и выкрошились, требовалось их укрепление. Круглая башня, замыкающая угол стен между Белой палатой и Теремами, отклонилась к югу и оторвалась от стен. Вся стена, окружающая кремлевский сад, выветрилась и местами была разрушена.

Двухэтажное каменное сооружение бывшей «мыленки» — садовой палатки, с примыкающей к ней стеной, лишено кровли и быстро разрушалось. С крыш на многих кремлевских зданиях было сорвано железо, текла вода, ветшали своды.

Отмечалось, что в разных зданиях выбито около 300 стекол разного размера, во многих окнах рамы были или сгнившие, или же их просто не было (как в здании Самуилова корпуса). По всей территории кремля разрослись деревья, причиняя вред фундаментам зданий.

Между Самуиловым корпусом (или, как называли его в то время, «зданием бывшего духовного училища») и Белой палатой «сообщение» было устроено через окно. Это было «крайне неудовлетворительно», т. к. «препятствовало посетителям при осмотре коллекций, расположенных в бывшем духовном училище». В акте отмечалась необходимость «снести парапет перехода и подоконник окна, устроив вместо него дверь». Нижние этажи Белой палаты, напротив, никак не были связаны с Отдаточной палатой, из-за чего «все помещения нижнего этажа нее были доступны для обозрения». В связи с этим остро стояла потребность в «уличной жестяной лестнице», соединяющей обе палаты.

По итогам обследования помещений музея комиссия зафиксировала, что духовое отопление Белой палаты и бывшего духовного училища испорчено и требует поправки. Необходимо было восстановить также и трубу печи на Белой палате, упавшую еще в 1920 г.

Признавалась необходимость постоянного наблюдения за чистотой кремля и сохранностью его зданий — для чего желательно было отвести квартиры смотрителям в кремлевских помещениях. Проживающих в кремле квартирантов нужно было обязать производить очистку всех выгребных ям и чердаков, прилегающих к их квартирам. В идеале же предусматривалось «выселение всех квартир из кремля как загрязняющих здания, ими занимаемые».

«Для дальнейшего наблюдения и контроля за зданиями кремля, для производства ремонта и для заведывания всеми сдаваемыми в кремле складами и квартирами, нужно организовать комиссию по административно-хозяйственному управлению кремлем в составе представителей заинтересованных учреждений»,— говорилось в документе.

В докладах музея предыдущего, 1921 г., также подчеркивалось, что «кремль должен быть передан в руки такого учреждения, которое бы заботилось о благополучии кремля (как в отношении целости зданий, так и в отношении поддержания общей чистоты в кремле). Это все будет возможно только тогда, когда заведовать кремлем будет учреждение, компетентное с научной стороны и ответственное перед наукой за целость такого замечательного художественного памятника как Ростовский кремль».

В 1922 г. комиссия по управлению Ростовским кремлем была образована «из соображений увеличить доходы музея» — взимая плату за квартиры и склады в кремле, комиссия стала производить частичный ремонт зданий.

Как выглядели памятники кремля в 1920-е гг., иллюстрируют фотографии и негативы из собрания ГМЗРК.

Елена Леонова

Кавалерийская шпора из археологических разведок 2021 года в урочище Гора Святой Марии

В 2021 г. Археологический отдел музея-заповедника «Ростовский кремль» продолжил планомерные исследования в лесном урочище Гора Святой Марии у с. Филимоново Ростовского района. В ходе работ территория обследовалась с детектором металла: участки с поврежденным культурным слоем (на вырубке), склоны холмов, территории вне культурного слоя памятников археологии. В итоге была собрана представительная коллекция предметов из более чем 150 единиц. Часть предметов (монеты, подковы, ножи) относится к XIX в.— первой половине XX в. и является маркером хозяйственных работ. Основная часть коллекции датируется периодом средневековья — от XII–XIII вв. до XVI в. включительно.

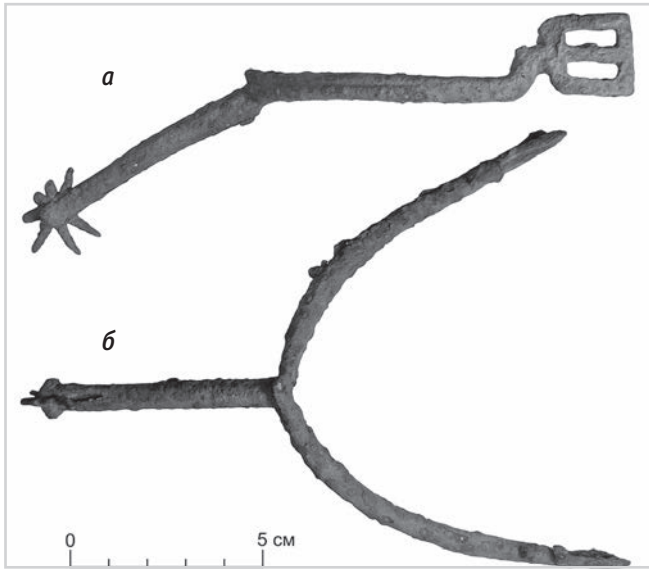
Среди предметов особо стоит отметить семь боевых наконечников стрел, три кавалерийские шпоры, сохранившиеся полностью, и два фрагмента от них. Из них три шпоры и один фрагмент относятся к типу колесцовых — их рабочая часть заканчивается колесцом (звездочкой). Шпора — одно из вспомогательных средств, использовавшихся для управления конем, наряду с удилами, стременами и плетью, являясь альтернативой последней. Шпоры — атрибут профессионального воина.

В 1973 г. А. Н. Кирпичников опубликовал фундаментальное исследование, в котором рассмотрел сведения о 588 шпорах (включая фрагментированные) XI — первой половины XIII в., происходящих с территории Древней Руси. Среди них он выделил пять типов: четыре — с шипом в рабочей части, и один — с колесцом. В 2018 г. вышла большая статья О. В. Двуреченского, посвященная колесцовым шпорам XIII — начала XVII в., найденным на территории исторических русских княжеств и Московского государства. Он рассмотрел сведения о 137 находках, которые разделил на семь типов с V по XI (в продолжение типологии А. Н. Кирпичникова). Типы с V по VIII датированы XIII в.— первой половиной XV в., типы IX–XI отнесены к периоду Смутного времени. То есть исследователь подтвердил предположение А. Н. Кирпичникова о том, что русские воины в период со второй половины XV в. шпоры не использовали.

Найденная нами шпора представляет собой переходную форму от типа V62 к типу VIII и относится, видимо, ко второй половине XIV — началу XV в. От типа V62 обнаруженную шпору отличает вытянутый держатель колесца длиной 7,4 см. Колесцо диаметром 3 см имеет восемь лучей (три из них частично обломаны). В отличие от типа VIII шпора не имеет надпяточного крюка-ограничителя. Длина шпоры — 16,1 см, ширина — 12,3 (первоначально — 11 см). Шпора дошла до нас в отличном состоянии, вместе с тем необходимо отметить и повреждения: скоба имеет трещину в пяточной части, одна из дуг скобы отогнута в сторону, держатель колесца слегка погнут, как и само колесцо.

Шпора обнаружена вне культурного слоя на территории исторической пустоши Поповка, известной по плану 1791 г., который был составлен в процессе Генерального межевания. Точно соотнести место находки с планом Генерального межевания позволило следующее обстоятельство: историческая граница между пустошами Поповка (Ростовский уезд Ярославской губернии) и Мозжевелка (Переславский уезд Владимирской губернии) сохранилась до нашего времени. Ее маркируют межевые ямы и проселочная лесная дорога, которая в настоящее время разделяет Ростовский и Переславский районы. Примечательно, что на плане пустоши Поповка в этом месте обозначено небольшое пахотное поле, окруженное лесом. Шпора обнаружена в 500 м на юго-запад от места погоста Марии Египетской (XIII–XVI вв.) и в 300 м к северо-северо-востоку от селища в пустоши Мозжевелка (XIII–XV вв.). Поляна, зафиксированная на плане 1791 г., по всей видимости, является остатками более обширного средневекового поля, располагавшегося между поселениями.

В заключение отметим, что из ста двадцати шпор XIII в.— первой половины XV в. и их фрагментов, учтенных О. В. Двуреченским, только восемнадцать происходят с сельских памятников. Находки в урочище Гора Святой Марии пополняют этот список и в совокупности свидетельствуют о том, что здесь в XIV в., в эпоху Ивана Калиты и Дмитрия Донского, проживал профессиональный воин или воины. Шпора из урочища Гора Святой Марии — чрезвычайно важная находка. Ранее в Ростове и его окрестностях находили лишь фрагменты шпор.



Ил.1. а – вид сбоку; б – вид сверху.
Фото подготовил Сергей Григорьев

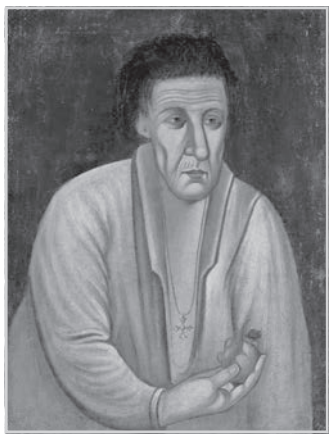
Алексей Каретников,
Захар Тарарака

Как интернет-сообщество загадку «Портретов старух» разгадало

Появление в Интернете сайта Государственного каталога Музейного фонда России обеспечило интересующуюся искусствами публику богатым материалом для наблюдения, сравнения и атрибуции музейных предметов. Один из примеров — история с атрибуцией «Портрета старухи» в собрании Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль».

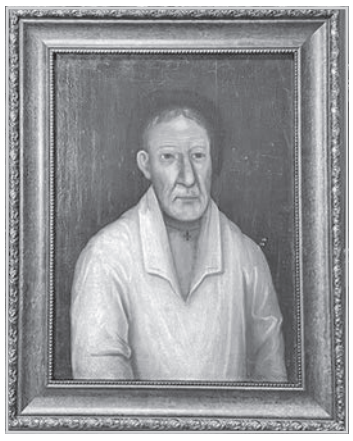
В 2017 году Государственный Эрмитаж представил широкой общественности предполагаемый портрет блаженной Ксении Петербургской (ил. 1). Определение персоны на портрете, на мой взгляд, было недостаточно обоснованным: оно строилось исключительно на доверии к датированному 1930 годом свидетельству авторитетного собирателя Федора Морозова. Мое же внимание к этой истории привлек тот факт, что эрмитажный портрет оказался чуть не тождественным произведению в собрании «Ростовского кремля» (ил. 4). Пожилая женщина с крестом на шее; в белой рубахе с отложным воротником, оформляющим V-образный ворот; прямой длинный нос, большой подбородок, глубокие носогубные складки, морщины вокруг рта; схоже написано оттопыренное правое ухо... Сходство двух картин бросалось в глаза.

Ил. 1

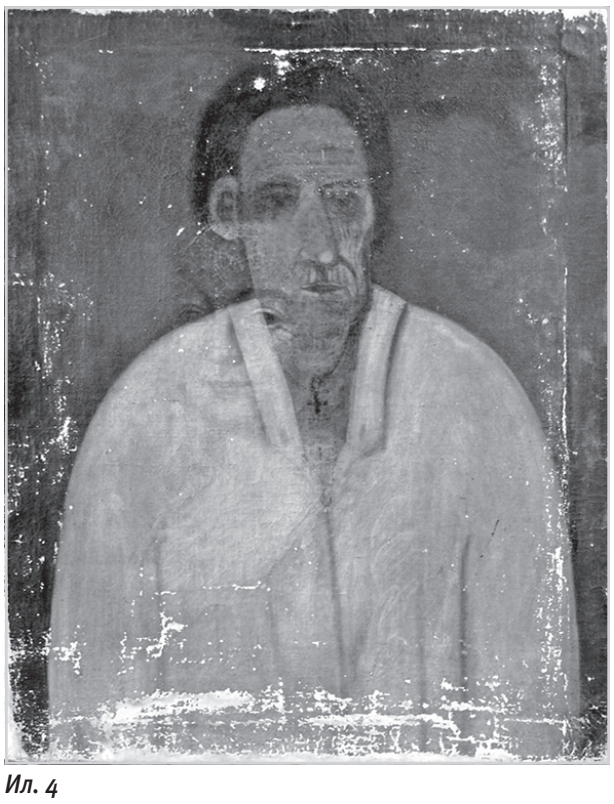


Ил. 2

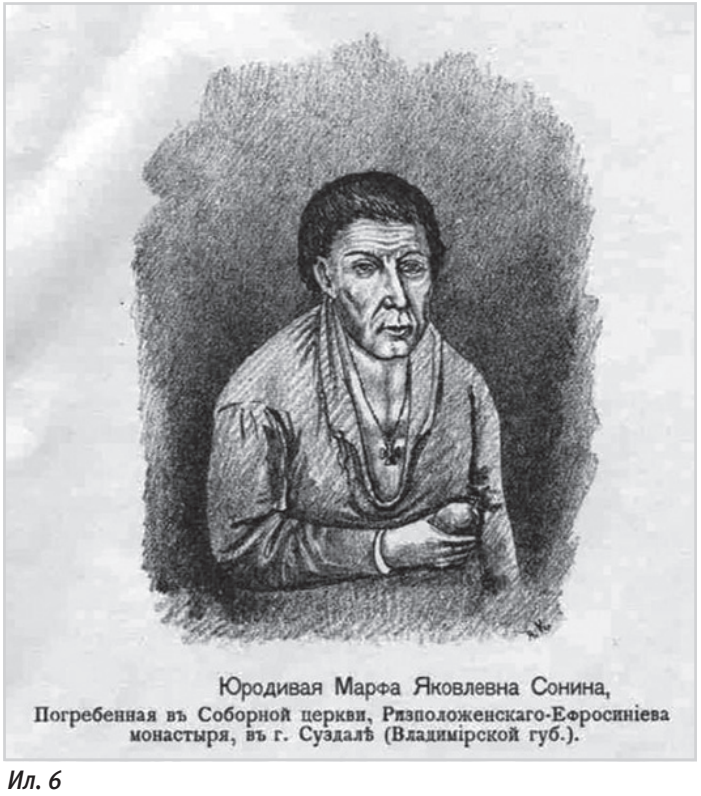
Ил. 3



Ил. 5



Ил. 4



Ил. 6

Поиск в Госкаталоге по запросу «Портрет старухи» внезапно принес удачу: в собрании Владимиро-Суздальского музея обнаружился «Портрет старухи из рода Белиных (?)» (ил. 2).

Об этом я собиралась написать небольшой материал для «Ростовской старины» — и вдруг в соцсети «ВКонтакте» увидела публикацию Анны Нац. Оказалось, не только меня заинтересовал этот сюжет. Она представила эти три музейных предмета со сведениями об их местонахождении.

Разместив историю на своей странице в Фейсбуке, я получила от Анны дополнительные сведения. Как выяснилось, история с предполагаемым эрмитажным открытием обсуждалась в группе «Старые портреты» в Фейсбуке — и там к трем произведениям — ростовскому, владимиро-суздальскому и эрмитажному — добавили еще два. Госкаталог сообщает о том, что в собрании музея-заповедника «Александровская слобода» полотно с подобным изображением хранится под названием «Портрет блаженной девицы Марфы» (ил. 3).

В ходе обсуждения в той группе всплыла история с «Портретом Трубецкого» из собрания Иркутского музея декабристов. В публикации Екатерины Шанк «Загадочная история иркутского портрета» (28.01.2022) речь шла о том, что поступивший в музей в 1920-е годы портрет неизвестного работы неизвестного художника и определенный как «Портрет Трубецкого» экспонировался сначала в Иркутском краеведческом музее, а затем — в Доме-музее Трубецких (образован в 1970 году). Однако летом 2021 года одному из сотрудников музея попался на глаза уже упоминавшийся портрет, представленный в Эрмитаже как изображение блаженной Ксении Петербургской. «Портрет Трубецкого» (ил. 5) оказался до удивления схожим с эрмитажным портретом блаженной, и его убрали из экспозиции Дома Трубецких.

В ФБ-группе «Старые портреты» история серии портретов завершилась указанием на протограф их — иллюстрацию (ил. 6) в книге И. Токмакова «Краткое историческое и археологическое описание Ризоположенскаго-Евфросиниева монастыря в городе Суздале (Владимирской губ.)» (М., 1893). Как видим, все пять портретов с разной степени точности воспроизводят облик женщины, в 1893 году известной как юродивая Марфа Яковлевна Сонина.

Возможно, к перечисленным здесь живописным портретам можно отнести и «Портрет старухи» в собрании ГИМа — он, к сожалению, сейчас представлен в Госкаталоге без иллюстрации.

Представленная здесь история коллективного поиска истины поучительна. Она приводит нас к ряду значимых выводов.

Во-первых, музейные коллекции России невероятно богаты.

Во-вторых, они изучены весьма слабо.

В-третьих, интернет вообще и Госкаталог в частности способствует коллективному поиску истины.

Любовь Мельник

Издатель: Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». Периодичность – один раз в квартал. Главный редактор: Я.Е. Смирнов. Оригинал-макет Л.Ю. Мельник.
Отпечатана: АО «Рыбинский Дом печати», г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8. Офсетная печать. Тираж 950.